

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
У63

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Переведено по изданиям:

Wallace E. Room 13 / Edgar Wallace. — 1924.

Wallace E. The Mind of Mr J. G. Reeder (a.k.a. The Murder Book of Mr. J. G. Reeder) / Edgar Wallace. — 1925.

Wallace E. The Guv'nor / Edgar Wallace. — 1932.

Wallace E. The Man who Passed (a.k.a. The Man from Sing Sing) / Edgar Wallace. — 1932.

Перевод с английского *Виталия Михалюка* и *Олега Буйвола*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

- © Craig White, обложка, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2016

ISBN 978-617-12-1325-8 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3654-2 (Россия)

КОМНАТА № 13

ГЛАВА 1

Над мрачной аркой в каменной стене было выбито «PARCERE SUBJECTIS». Джонни Грей уже много раз видел эту надпись. В холодную погоду и используя слова, понятные тем, кто был там рядом с ним, он переводил это как «Паршивое место». И было совершенно неважно, что на самом деле это означает «Щадить покорившихся», поскольку покорившимся он не был и щадить его никто не собирался.

День за днем, волоча тяжеленную ручную тележку, они с Лалом Моргоном взбирались вверх по крутому склону; день за днем безучастно смотрели, как рыжебородый охранник вставляет большой ключ в блестящий замок и открывает ворота. Потом они входили внутрь (сначала первый вооруженный охранник, потом они, потом второй охранник), и ворота закрывались.

Ровно в четыре часа Джонни возвращался под арку и дожидался, пока ворота снова откроются и тележку пропустят обратно.

Все здесь, каждое здание, было знакомо ему до тошноты. Вытянутые, вычерненные дартмурскими ветрами арестантские блоки («залы», как их здесь называли); контора начальника тюрьмы с низкой крышей; газохранилище; смахивающая на сарай прачечная; древняя пекарня; двор для прогулок с разбитым асфальтом; уродливая из-за вычурных украшений церквушка; длинные, вытертые до блеска, высокие скамейки с приподнятыми сиденьями для охранников... И кладбище, где наконец обретали покой и долгожданный отдых те, кто отбывал здесь пожизненный срок.

грязные короткие желтые штаны, на которых слабо проступал рисунок широкой стрелы, на ногах — желтые гетры с пуговицами. Рубашка у него была из прочного белого хлопка с узкими синими полосками. На голове красовалась шапочка с непонятными буквами, которые каким-то загадочным образом обозначали даты его заключений. Через неделю, когда буквы с шапочки убрали, Лал Моргон сильно обиделся. Так, наверное, чувствует себя солдат, лишенный знаков различия.

— Так ты с молодым Джеффом не встречался? — не спросил, а, скорее, констатировал Лал, шлепнув на кирпич немного строительного раствора и начав его лениво размазывать.

— Я его видел... Но не разговаривал, — мрачно отозвался Джонни, и что-то в его тоне заставило старого заключенного поднять на него глаза. — Это он сдал меня полиции, — сообщил Джонни, и Лал выразил свое удивление кивком, необычайно напомиравшим вежливый поклон. — Не знаю зачем, но точно знаю, что это он меня сдал, — твердо сказал Джонни. — Это он организовал подмену и сделал так, чтобы я выставил лошадь на дорожку, а как только я это сделал, тут же и доложил куда надо. Хотя я тогда и знать не знал, что Король Пауков — это на самом деле Малыш Сондерс, только умело замаскированный.

— Чертов змееныш! — удивленно воскликнул Лал и, похоже, о чем-то сильно задумался. — Весь в отца, Эммануэля Лега. Зачем он это сделал? Ты что, настучал кому-то о его фальшивых бумажках?

Джонни покачал головой.

— Не знаю. Если он и правда ненавидит Питера Кейна, может быть, из мести? Это если ему известно, что я уважаю Питера и... уважаю Питера. Он предупреждал меня насчет людей, с которыми я связался...

— Кончай базар!

На горизонте снова появился надзиратель.

Какое-то время они работали молча. Потом Лал заговорил снова.

— Этот штырь когда-нибудь кого-то повесит, — произнес он голосом, полным смиренного отчаяния. — Это за него малыша Лью Морса отметили так, что тот чуть концы не отдал, после того как он его в кузнице гаечным ключом приложил. Жаль, что не убил!

В четыре часа рабочая бригада была собрана и двинулась строем, вернее сказать, поплелась по узкой дороге к тюремным воротам. «PARCERE SUBJECTIS». Джонни посмотрел на надпись и хмыкнул. Ему показалось, что арка улыбнулась в ответ. В половине пятого он вошел в свою камеру в глубине тюремного блока, и желтая дверь, металлически лязгнув замком, захлопнулась за ним.

Камера его была довольно просторной, со сводчатым потолком. Цветное сложенное шерстяное одеяло придавало ей оттенок некоторого небрежного изящества. В углу на полке стояла фотография фокстерьера. Собака, повернув красивую морду, с любопытством глядела с карточки. Джонни налил в стеклянную кружку воды и, глядя на зарешеченное окно, выпил ее большими глотками. Скоро должны были принести чай, а потом замок на его двери закроется на восемнадцать с половиной часов. И эти восемнадцать с половиной часов он будет предоставлен самому себе. Пока на дворе было светло, он мог читать — на полке, которая одновременно служила столом, лежала книга о путешествиях. Мог писать на грифельной доске или рисовать лошадей и собак, а мог и решать математические задачи или сочинять стихи... Или думать. Это было самое сложное занятие из всех. Он прошел по камере и снял с полки фотографию в потертой картонной рамке. Улыбнувшись, посмотрел в большие глаза пса.

— Как жаль, что ты не умеешь писать, старина Спот, — сказал он.

Но люди, в отличие от собак, умели и писали, подумал он, возвращая снимок на место. Только Питер Кейн в своих посланиях ни разу не упомянул о Марни, а сама Марни не писала ему с... С очень давних времен. И это настораживало, тревожило, заставляло задуматься и даже наводило на определенные

выводы. Все, что он имел, — лишь короткие упоминания о ней наподобие «с Марни все в порядке» или «Марни благодарна за беспокойство», а больше ничего.

В этих коротких фразах было все: и любовь Питера к дочери, и твердая убежденность отца в том, что она не выйдет замуж за человека с тюремным прошлым. За это время страстное чувство Джонни к дочери Питера Кейна превратилось почти в болезненную одержимость. Ее счастье и ее будущее были для него важнее собственных, и так будет всегда, думал он. Питер любил его, Джонни чувствовал это. Он относился к нему, как мужчина может относиться к повзрослевшему сыну. Если бы трагическое недоразумение не привело к тому, что он оказался в тюрьме, Питер отдал бы за него Марни и она бы с радостью стала его женой. «Такова жизнь», — философски изрек Джонни. А потом принесли чай, после чего дверь захлопнулась, опять наступила тишина, снова напозли мысли...

Почему младший Лег подстроил ему такую ловушку? Они ведь даже никогда не встречались. Он и видел-то этого юного фальшивомонетчика всего раз, и то случайно, и тот даже не мог знать о том, что известен человеку, которого он «сдал», поскольку Джефф Лег был очень осторожен. Его нельзя было встретить в местах, где люди, близкие к преступному миру, собираются, чтобы похвалиться друг перед другом, обговорить планы или выпить и развлечься.

В замке лязгнул ключ, и Джонни встал. Он и забыл, что уже наступил вечер, когда его навещал тюремный капеллан.

— Садитесь, Грей.

Дверь за спиной священника закрылась, и он сел на нары Джонни. Странно, но капеллан подхватил оборванную нить мыслей Джонни.

— Я хочу, чтобы вы подумали о Леге... Я имею в виду младшего, сына. Нехорошо держать в себе обиду, истинную или надуманную. Ведь срок вашего заточения скоро заканчивается, и недалек тот час, когда недовольство ваше получит возможность выплеснуться. Но, Грей, мне не хочется снова увидеть вас здесь.

Джонни Грей улыбнулся.

— Здесь вы меня больше не увидите! — Он выделил интонацией первое слово. — А что касается Джеффа Лега, я о нем мало что знаю, хотя о многом догадываюсь. Да и слышать разное приходилось.

Капеллан задумчиво покачал головой.

— Я о нем тоже слышал, но немного. Это ведь его называют Великим Печатником, верно? Нет, я, разумеется, как и все, прекрасно знаю, что Европу заполонил поток фальшивых денег и что полиция так и не смогла поймать человека, который их печатает... Это Джефф Лег? — Не дождавшись ответа, капеллан грустно улыбнулся. — «Не настучи» — одиннадцатая заповедь, да? — добродушно сказал он. — Боюсь, я поступил опрометчиво, задавая такой вопрос. Когда заканчивается ваш срок?

— Через полгода, — ответил Джонни. — И, выйдя отсюда, я жалеть не буду.

— Чем собираетесь заниматься? У вас деньги есть?

У заключенного дернулись губы.

— Да, небольшой доходец, какие-то три тысячи в год, — с невозмутимым видом произнес он. — Просто об этом на суде почему-то забыли упомянуть. Нет, отче, деньги меня не тревожат. Я думаю, что отправлюсь в путешествие. По крайней мере, сидеть и вспоминать о своем темном прошлом я не намерен.

— Это означает, что фамилию вы менять не собираетесь, — сверкнув глазами, сказал капеллан. — При трех-то тысячах годовых не думаю, что у вас возникнет желание сюда вернуться. — Тут он что-то вспомнил, запустил руку в карман и достал письмо. — Заместитель коменданта передал. Чуть не забыл о нем. Оно пришло сегодня утром.

Письмо было вскрыто, как и все письма, которые получали заключенные. Джонни посмотрел на конверт без особого интереса. Как он и предполагал, письмо было не от адвоката. Он сразу узнал размашистый уверенный почерк Питера Кейна — первое письмо от него за последние полгода. Дождавшись, пока

за посетителем закроется дверь, он вынул письмо из конверта. На листке бумаги было всего несколько рукописных строк:

Дорогой Джонни, надеюсь, новость, которую я хочу сообщить, не сильно тебя расстроит. Марни выходит замуж за майора Флойда из Торонто. Я знаю, что ты достаточно благороден и великодушен, чтобы порадоваться за нее и пожелать ей счастья. Мужчина, за которого она выйдет, — отличный парень, с ним она будет счастлива.

Джонни положил письмо на полку и принялся ходить по узкой камере из угла в угол, заложив руки за спину. Этому занятию он посвятил десять минут. Марни выходит замуж! Лицо его сделалось бледным и напряглось, глаза под мрачно сдвинутыми бровями словно потемнели. Наконец он остановился, дрожащей рукой налил полную кружку воды, поднес ее к решетке на окне и посмотрел на восток.

— Удачи тебе, Марни! — хрипло произнес он и залпом осушил кружку.

ГЛАВА 2

Через два дня Джонни Грея вызвали к начальнику тюрьмы, в кабинете которого он узнал потрясающую новость.

— Грей, могу вас обрадовать. Вы будете выпущены немедленно. Я только что получил разрешение.

Джонни поклонился.

— Благодарю вас, сэр, — сказал он.

Охранник отвел его в душевую. Там он разделся и, обернувшись полотенцем, вошел в небольшую кабинку, где его дожидалась гражданская одежда. Испытывая странное чувство, будто надевает на себя чужие вещи, он оделся и вернулся в камеру. Охранник принес зеркало и безопасную бритву, и он закончил свой туалет. Остаток дня был в его распоряжении. Теперь Джонни был на особом положении, мог в обычной одежде разгуливать по тюрьме где вздумается, вызывая за-

висть у людей, которых успел хорошо узнать и теперь презирал, у этих наполовину безумцев, которые весь год нашептывали ему в уши пустые слова.

Когда он остановился в коридоре, думая, куда бы пойти, дверь с грохотом отлетела в сторону и в проход ввалилась группа людей. В центре ее находилось дико завывающее и извивающееся существо, больше похожее на зверя, чем на человека. Лицо у него было в крови, на руках повисли охранники. Джонни, оставаясь на месте, провел взглядом тюремщиков, которые уволокли несчастного в сторону карцера.

— Феннер, — произнес чей-то тихий голос. — Тот, что надзирателю врезал. Но больше избивать они его не смогут.

— Это не тот Феннер, который двенадцать лет отсидел и завтра должен был освободиться? — спросил Джонни, вспомнив заключенного.

— Он самый, — ответил голос, это был один из уборщиков. — Если бы не старик Лег, он бы девятью плетьюми отделался. Видать, горбатого могила исправит, верно? Послезавтра они к нему не будут иметь права уже и пальцем прикоснуться, а судья доберется до нас не раньше чем через неделю.

Джонни вспомнил этот случай. Лег был свидетелем того, как на Феннера накинулся с кулаками один из надзирателей (потом его уволили). Бедный Феннер не удержался и ударил в ответ. Было проведено расследование, и показания Лега могли спасти его от порки, да только Лег был слишком близким другом надзирателей (или надзиратели были его слишком близкими друзьями) и не стал выдавать «штыря», поэтому Феннер и получил по полной — его отправили в треугольник.

Прошлую ночь Джонни не спалось. Все мысли его были о Марни. Нет, он не собирался упрекать ее. И на отца ее зла не держал. Кто ж еще, как не Питер Кейн, знает, что для его дочери лучше?! Он, можно сказать, был одержим постоянным страхом за будущее своей девочки. Джонни догадался, что, как только на горизонте появился представительный канадец, Питер сделал все, что было в его силах, чтобы как-то поспособствовать их союзу.

Последний раз Джонни поднимался по крутому склону. Наконец ключ повернулся в большом замке, и вот он уже стоит за воротами, свободный человек. Рыжебородый главный охранник протянул руку.

— Удачи, — не особенно приветливо сказал он. — И не переходи через Альпы снова.

— Со скалолазанием я завязал, — ответил Джонни.

С начальником тюрьмы он уже попрощался, и теперь единственным, что напоминало о мрачной тюремной жизни, был один из надзирателей, который сопровождал его до железнодорожной станции. Поезда нужно было подождать, поэтому Джонни, чтобы не терять времени зря, попытался добыть какие-нибудь интересующие его сведения с другой стороны.

— Нет, Джеффа Лега я не знаю, — покачал головой надсмотрщик. — Со стариком встречался, он же у нас отбывал и вышел год назад... Ты тогда, кажется, уже тоже был здесь, Грей?

Джонни кивнул.

— Выходит, мистер Джефф Лег Альпы еще не переходил? — хмыкнув, спросил он.

— Нет. По крайней мере, в нашей тюрьме он не сидел. И в Паркхерсте, и Портланде, насколько я помню, тоже. Я в обеих бывал и слышал, как его там обсуждали. Говорили, что он умный, то есть ему только предстоит тюремную баланду попробовать. Ну что ж, всего доброго, Грей, и смотри — ве-ди себя хорошо!

Джонни пожал протянутую руку. Зайдя в вагон и заняв свое место, он носовым платком стер с ладони последнее соприкосновение с тюремной жизнью.

Прибыв днем на «Паддингтон», он увидел своего слугу с маленьким вислоухим фокстерьером на натянутом, как струна, поводке. Пес начал радостно повизгивать задолго до того, как Джонни разглядел встречающих. Еще секунда, и вот уже собака барахтается в руках хозяина и, скуля от счастья, лижет его лицо, уши, волосы. Когда Джонни опустил пса на платформу, в его глазах стояли слезы.

— Вам пришло много писем, сэ-р. Будете обедать дома?

Неподражаемый Паркер был настолько сдержан, что можно было подумать, будто он встречается хозяина после вояжа в Монте-Карло.

— Да, пообедаю дома, — сказал Джонни и сел в такси, которое нанял Паркер. Спот прыгнул за ним.

— Вы без багажа, сэр? — с серьезным видом спросил Паркер.

— Без багажа, — так же серьезно ответил Джонни. — Садитесь рядом со мной, Паркер.

Слуга заколебался.

— Это было бы слишком большой вольностью, сэр, — сказал он.

— Не такой уж большой по сравнению с теми вольностями, которые я терпел последние год и девять месяцев, — ответил Джонни.

Когда автомобиль выехал на унылую Чепел-стрит, осмелевший Паркер поинтересовался:

— Надеюсь, вы не слишком плохо провели время, сэр?

Джонни рассмеялся.

— Не скажу, что это было приятное местечко, Паркер. Тюремы редко такими бывают.

— Вы правы, сэр, — согласился Паркер и зачем-то добавил: — Я никогда не бывал в тюрьмах, сэр.

Квартира Джонни находилась на Куинс-гейт. При виде спокойной роскоши кабинета у Джонни сдавило в груди.

— Дурак! — вслух обозвал он себя.

— Да, сэр.

Паркер пристыженно опустил голову.

В тот вечер множество людей тайком наведальось в квартиру на Куинс-гейт, и Джонни, после того как принял первого из них, вызвал Паркера в маленькую столовую.

— Паркер, говорят, пока меня не было, посещение кинотеатров стало обычным делом даже для солидных господ.

— Я и сам люблю кино, сэр, — признался слуга.

— В таком случае сходите и поищите сеанс, который заканчивается не раньше одиннадцати, — сказал Джонни.